

ХУДОЖЕСТВЕННО-ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ХРОНИКАЛЬНОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ

ARTISTIC AND PICTORIAL FEATURES OF THE CHRONICLE OF MODERN RUSSIAN AND NORTH CAUCASIAN LITERATURE

Z. Chukueva

Annotation

This article describes the means of expressiveness and deepening of authenticity in modern event-chronicle prose, the stylistic bordering of speech acts is also applied. The syllable of the event-chronicle text is often colloquial, the writer recreates some kind of "conversational", sometimes even "street", perhaps ragged, emotionally-driven speech; and with an orientation to the previous, sometimes latent, subconscious speech pointing at the contextual communication. Due to this, reliability is achieved by means of the maximum accurate translation of speech (syntactic and lexical) signs of dialogues and monologues of characters. At the same time, the personification of voices is smoothed, and this informs the stylistic similarity, the unity of this choral text. Thus, the documentary nature is embodied in the literary method, called polyphonic construction.

Keywords: event-chronicle prose, documentary, poets and writers of the twentieth century, historical epic, leaders of the revolution.

Чукуева Зарема Нажмудиновна

К.филол.н, доцент,

Чеченский государственный
педагогический университет

Аннотация

В настоящей статье описываются средства выразительности и углубления подлинности в современной событийно-хроникальной прозе, также применяется стилистическое окаймление речевых актов. Слог событийно-хроникального текста нередко разговорный, писателем воссоздается некоторого рода "беседная", иногда даже "уличная", возможно оборванная, эмоционально-запруженная реплика; причем с ориентацией на предыдущую, порой скрытую, подсознательную указывающую на затекстуальную коммуникацию. Благодаря этому достоверность завоевывается посредством предельно меткой трансляции речевых (синтаксических и лексических) признаков диалогов и монологов действующих лиц. Одновременно персонификация голосов сглаживается, а это сообщает стилистическую схожесть, единство данному хоровому тексту. Таким образом, документальность воплощается и литературным методом, называемом полифоническое построение.

Ключевые слова:

Событийно-хроникальная проза, документальность, поэты и писатели XX века, историческая эпика, вожди революции.

Литература с ориентацией на документальную оснащенность уже во второй половине прошлого века активно и усиленно развивала свою постсоветскую деятельность. Она выступила орудием разгрома устоявшихся ложных социально-исторических преданий, стандартов и идеализированных сказаний, к примеру, о вождях революции, о Сталине, Троцком, Бухарине, о старых революционерах и о "врагах народа".

На избавляющуюся от соцреализма литературу масштабно наступало полотно настоящей хроники, либо углубленное освещение бытийно проторенной колеи. Данное действо исполняла череда талантливых отечественных авторов первой половины XX века, частная жизненная доля которых вгонялась в пределах преследований, террора, присутствия на грани смерти, а злободневная и созидательная точка зрения их весьма нередко оборачивалась собственной гибелью – физической и творческой: это О. Мандельштам, Б. Пастернак, А. Ахматова, М. Цветаева, С. Есенин, И. Бабель, А. Солженицын, В. Шаламов и другие.

В ходе последующего разгрома соцреалистических легенд А. Платонов безапелляционно отличался от В. Гроссмана, В. Гроссман – от Б.Ямпольского, В. Дудинцев – от Ю. Трифонова, С. Липкин – от Б. Пастернака, С. Булгаков – от Е. Замятина, А. Солженицын – от В. Шаламова, Н. Берберова – от А. Ахматовой, Вл. Набоков – от Г. Газданова. Дабы подыскать механизмы к "виртуальной яви", необходимо было изначально начать повествовать элементарно, излагая хотя бы бытийные эпизоды. Выдумка обязана была снова, как это не однажды уже случилось в прозе, загрузиться силой факта для того, чтобы возвратить потерянное читательское уважение.

В произведениях конца прошлого века, посвященных войне, нередко применяется такой метод трансляции документального материала, как включение соответствующих прямых данных (сводки, архивные документы, приказы, репортажи и т.д.). Данное начало многократно способствует усложнению восприятия авторов в качестве полноценных историков их времени, преимущественно в приближенные к соцреализму годы, то есть во время не-

желательных исторических изысканий или идеологических простраций. Настоящее требование ("писать прямо") соотносится с требованием фиксировать реальность "прямо с голоса".

Данный метод включения документальных свидетельств подлинности изложения в сегодняшней, особенно военной, прозе эффективно применим. Причем нередко его специфическим качеством оказывается "бездоказательная ссылка", поскольку писатели чаще извещают читателя о том, что информация обретаена из некоторой агитки, схвачена по радио, поймана из диалога и т.д.

Более того, они в сопровождении собственных изложений дискутировали. Подобного рода имевшиеся в наличии позиционные разногласия воплощают явное и очевидное изображение созидательной мастерской автора, помогают осознать особенность системы его документального повествования.

Как средство выразительности и углубления подлинности в современной событийно-хроникальной прозе также применяется стилистическое окаймление речевых актов. Слог событийно-хроникального текста нередко разговорный, писателем воссоздается некоторого рода "беседная", иногда даже "уличная", возможно оборванная, эмоционально-запруженная реплика; причем с ориентацией на предыдущую, порой скрытую, подсознательную указывающую на затекстуальную коммуникацию. Благодаря этому достоверность завоевывается посредством предельно меткой трансляции речевых (синтаксических и лексических) признаков диалогов и монологов действующих лиц. Одновременно персонификация голов сглаживается, а это сообщает стилистическую схожесть, единство данному хоровому тексту. Таким образом, документальность воплощается и литературным методом, называемом полифоническое построение.

Через подобных доказательных показаний является собой полноценное и внушительное содержание романа современного отечественного автора М. Алексеева "Мой Сталинград" ("Роман-газета", 1993). Юный боец Красной армии буквально тронулся умом, застав страшный момент разрыва бомбы, дающий миру безжизненные тела его однопольчан. Одновременно писательский опыт не разрешил М. Алексееву в книге "Мой Сталинград" удержать изложение в жестком документально-автобиографическом тоне. Выходит, что автор существует в тексте в двух ипостасях: автора-персонажа и автора-повествователя. Текст выступает на рубеже художественной и нехудожественной словесности. В первом случае здесь имеется художественная огранка слога, вымышленность коммуникативных актов, портретирование персонажей, во втором – присутствует масса истинных деталей испытанного автором на сталинградской территории. Причем детали подобного рода воссоздаются документально верно, отважно и незаурядно постигаемо, поскольку современному читателю известен весь тот тягостный и нажимающий быт, главенствовавший в советском обществе.

Граница 90-х гг. немалым числом сжившихся с советской реальностью людей осознается по психологически-окрашенной схеме, что вызывает даже в документально-окрашенной прозе эмоциональную передачу темы ушедшего бытия, доскональное изображение его подробностей и пр.

Так, применительно к современной документально-окрашенной прозе Л. Петрушевской ("Время ночь", 1992) при всей пунктуальности, с которой писательница воссоздает множество тягостных будничных факторов, изображает она, видимо, не столько личность, сколько как раз данные факторы, то есть не столько его внутренний мир, сколько физический его покров. Либо, к примеру, в еще более современной прозе 2000-х гг. Дм. Шеварова реальный мир отечественного региона непостоянно, но иногда реставрируется в тональности "тоска по идиллии". Документализированность повествования осуществляется через деталь и метафоры, выстроенные на временных подробностях. Здесь у него в малой прозе даже нищета воспринята словно через щель, издали; посредством этого очерчивание вещественных составляющих практически скрупулезно верно; однако при этом чувственная явь (снег, небо, река) прозы Дм. Шеварова выступает фактически вне поры. Отсюда, видимо, подобная приверженность авторов к сбору особенностей таких моментов: так, у Л. Петрушевской – начиная от пустых тарелок, дыр и разнообразных пятен и завершая многочисленными разводами, абортами и брошенными детьми. В связи с этим изображение крайне детализировано, так как собственно это тщательное накопление обломков минувшего передает автору (и читателю) чувство ее действительности. Только гармоничное соединение анализа и синтеза дает полное и глубокое познание действительности, а значит и составляет предпосылку отражения ее во всей полноте, сложности и многогранности. Таким образом, здесь делаются выводы о том, что современная детализированность событийно-хроникальной прозы ориентирует читателя на то, чтобы он ощущал ее словно в фокусе нынешней (либо, возможно, и минувшей) ужасающей реальности, наступающей точно отовсюду.

В пределах выделяемой нами событийности применительно к чеченским писателям рубежа XX – XXI вв. допустимо вести речь о выборе ими сегодняшнего объекта, показывающего своим появлением случающиеся рядом с авторами милитаризированные факты.

Широкая всеохватность и зависимый от нее многослойный уклад проблематики, включающей периоды от сегодняшнего дня до времен Шамиля, от глобальных актов взаимодействия и исторического движения народов на крутых поворотах национальной судьбы до творчества конкретного писателя, предначертала многоголосие повествования, в котором писатель вырастает и как литературовед, и как историк, и как публицист.

Текущей тематике адресована историческая эпика (разных размеров) Н. Музаева, М. Мусаева, Д. Дадаше-

ва, У. Ахмадова, Х. Саракаева и др. Непосредственно же в новейшем тысячелетии имеющие писатели более расположены к жанровому типу рассказа–случая, близкого к документальной прозе. Таковы, например, рассказы "Чечен–гексоген" А. Давлетукаева ("Вайнах", 2004, №7), "Телевизор" Т. Чагаевой ("Вайнах", 2004, №10); С. Мусаева – "Перед рассветом" ("Вайнах", 2005, №9), "Абрикос" ("Вайнах", 2006, №6), "Поездка" ("Вайнах", 2006, №8), М. Хасаевой "Под проливным дождем" ("Вайнах", 2006, №1), И. Айбаева "Заложник" ("Вайнах", 2009, №1) и т.д. Непосредственно любой из вышеназванных писателей на собственный взгляд настраивает проблему выработки социально–этической точки зрения персонажа в действующем мире. Они скованы склонностью зафиксировать драматические отрывки военной или послевоенной реальности. А такая тенденция подтверждает немалый вероятный потенциал чеченского словотворчества.

Подобного рода виртуальное растворение читателя в галерее размышлений и эмоций персонажа завоевывается как раз посредством излияния его эмоциональной и насыщенной речи от первого лица. Как раз аналогичного типа средства изображения энергично применяются и в рассматриваемой прозе чеченского автора А. Айдамирава.

В частности, излагая и цитируя в повести "Калужский пленник" одно из обращений имама Шамиля (1812 г.) к народу, писатель позволяет читателю постичь частности речи, заверившей чеченцев твердо стать и стойко стоять в обороне своих земель.

Непосредственно семантика здесь виделась и понималась как хроникально–справедливая, как историческая истина о явлениях, действиях и персонах 20–х, 30–х, 40–х, 50–х, 60–х гг. XX в., являя собой противоположение так называемой "псевдоистории", неправды, которой были наполнены официальные советские документы–установки.

После разрушения всей имевшейся константы советской идеологии последователи в 90–е гг. с неповторимой, практически карикатурной яркостью определяют направление и динамику более общих движений. "Прошлое" оказалось впереди, а не позади, и к нему надо было стремиться. Достаточно указать на то, что и сами задачи идейного разрушения – что именно разрушается, как разрушается – определяются каждый раз той общественной средой, в которой случается существовать и творцу, и читателю.

Менялась перспектива, рушилось мироздание. В оптимально выработанной, но и до границ заостренной конфигурации вся данная литературная историософия и художественная антропология обретают выработку и последующую переориентацию в историко–патриотической продукции уже 1990–х годов. В случае с отечественной прозой настоящего периода, можно сказать, что наиболее динамичной ее особенностью как раз и явилось избавление от миропониманий.

В такой же степени могучей в литературном течении последних десятилетий выступила и литература русско–зарубежья: произведения В. Набокова, И. Шмелева, Б.К. Зайцева, А. Ремизова, М. Алданова, А. Аверченко, Вл. Ходасевича и многих других русских авторов, вернувшиеся в Отечество. "Возвращенная литература" и литература Метрополии, в конце концов, объединяются в одно русло русской литературы XX века. Однако при размышлениях о возвращающихся на родину писателях исследователи (Н. Иванова, ВЛ, 2000–е гг.) в первую очередь поворачиваются к грандиозной личности А. Солженицына, считая его даже одним из самых пропитанных идеями современных авторов. Не представляя современный срез, именно "возвращенная" проза существенно влияет на читателя, определяя его вкусы и пристрастия. Воспроизводит уже знакомые общественно–политические и духовно–нравственные категории автор не посчитал нужным, и тогда А. Солженицын, продолжая пресеченные прежде усилия искреннего идеологического рассуждения, понемногу погружается в сопредельные литературные площадки, воспламенившись собиранием собственной "Литературной коллекции", статьями и эссе, адресованными скорее поэтике, чем идеологии, то есть художественным качествам того или другого предпочтенного им объекта.

А.Солженицын по–прежнему занят написанием идеологической публицистики, однако его произведение "Россия в обвале" перестало провоцировать незапамятное беспокойство у читателя, оно воспринимается массами безмятежно, порой – "с холодком", поскольку комплект авторских представлений и раздумий предсказываем, практически известен. Показанная подобным образом событийная хроника для читателей предрешена, и прочие ее модификации, по сути, иные воззрения на историю, несбыточны.

Как отмечает современный исследователь И. Сушлина, "Под мощным натиском первоклассных произведений прошлого, впервые широко доступных отечественному читателю, современная литература как будто замирает, пытаясь в новых условиях осознать самое себя" [1; 112].

В принципе положение не изменилось и с воспитательной функцией литературы постсоветских годов, но жизнь придала всему этому содержанию иной характер, поставила литературу перед необходимостью поисков новых художественных решений, форм и средств при обращении к "традиционной" для нее проблематике.

В описываемой фабульной традиции, которую можно систематизировать посредством схемы "смерть – жизненная философия", прослеживается отдельная социально–обусловленная закономерность, характерная для событийно–хроникальной прозы А. Айдамирава. В частности, оставшийся в пределах направленного на ссылку хутора Абдул–Азим ключевой собственной обязанностью в тот момент и на том месте считает организацию захоронений для односельчан.

В иной среднеобъемной эпике А. Айдамирова "Калужский пленник" аналогично в начале центральный персонаж внутренне разговаривает сам с собой, рассматривая мобильность и скоротечность людского существования, а также неминуемость и неизбежность безальтернативного прихода кончины: "Где шагом, а где ползком стремится он вперед, к лучшей, по его мнению, жизни. На самом же деле – к старости и смерти. Упорно не видя маячащей впереди смерти даже тогда, когда она уносит родных и близких, молодых и старых" [2; 199]. Или персонаж иного из анализируемых нами творений А. Айдамирова – лишавшийся сына старик (рассказ "В день смерти сына"), каковой, опасаясь посмотреть в зеркало на себя, усыпанного белизной, с ужасом дожидается посещения кончины.

Невзирая на то, что между названными действующими лицами присутствует колоссальное отличие (пожилая деревенская женщина, старец и грозный имам Кавказа Шамиль), при всем том заключения об относительности всего сущего захватывают их всех троих. И это весьма объяснимо, особенно применительно к горской женщине, так как уже в зачине повести "Один день судьбы" автор продолжает давать представление об уже упоминавшейся в посвящении, одной из самых кровавых акций советской власти на Кавказе – массовом выселении чеченского народа. "Эта горькая участь постигла не только матерей – чеченок и ингушек, – писал Д.Межидов. – такими же терзаниями и муками жили матери всех советских солдат, "с кровавых не пришедших полей". Поистине, как говорит В.Солоухин, "язык человеческих страстей интернационален" [3; 43].

Следовательно, по в силу осуществленного нами ранее анализа событийно-хроникальных творений чеченского писателя А. Айдамирова несомненным делается присутствие в нем такого узлового жанрового качества документалистики, как событийность, пропитанная хронологическими и сегодняшними явлениями.

Так, периодически в произведениях малой, средней и большой прозы автор не забывает напоминать читателю имевшуюся в советском обществе и остающуюся актуальной сегодня предубежденность соседних народов к кавказским представителям. И непосредственно имеющиеся эпизоды кавказофобии и антикавказской предубежденности порицает А. Айдамиров, изображая предприимчивую и инициативную активность чеченского общественника Абдул-Азима. Этот персонаж, в процессе беседы по поводу имевшей место тогда борьбе за власть, растолковывает, что в те годы с одной стороны выступали значимые для нации коммунисты, с иной – оппозиционные ино-партийцы; причем все они, автономно от их взаимоотношений обязательно сливались друг с другом в анти-чеченской позиции.

"Чеченскому писателю приходилось и по сегодняшний день приходится лавировать между необходимостью подлинной объективации истории своего народа, оценки ее бед и несчастий, даже позитивного начала в ее мировоззрении и искусно-иезуитски внедренным в сознание местной интеллигенции, местного читателя в вопросах национального установкой только на позитив. Вместо того, чтобы штурмовать высоты литературного Олимпа, интенсифицировать процесс освоения мирового литературного опыта, он вынужден заниматься доказательством истины в жанре публицистики не столько в мировом масштабе – там и без нас знают что почем – сколько в масштабе российского обывателя" [4; 46].

Таким образом, именно с учетом данного рода требований на протяжении всего рассматриваемого периода событийно-хроникальной прозы, присоединяясь к этой (возможно, несколько вольной, но убедительной) цитате активного сегодня национального исследователя К. Султанова, делаем вывод о несомненном современном наличии мощных и убедительных тенденций документализма как в северокавказской прозе в целом, так и в чеченской, в частности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сушилина, И.К. Современный литературный процесс в России: Учебн. пособ. [Текст] / И.К.Сушилина. – М.: Изд-во МГУП, 2001. – 130 с.
2. Айдамиров, А.А. Собр. соч. в 6-ти тт. [Текст] / А.А.Айдамиров. – Т. 4. – Грозный: Книжное издательство, 2005. – 25 п.л.
3. Межидов, Д.Д., Алироев, И.Ю. Чеченцы: обычаи, традиции, нравы [Текст] / Д.Д.Межидов. – Грозный: Книга, 1992. – 287 с.
4. Султанов, К. Преемственность и обновление [Текст] / К.Султанов. – М.: Знание, 1985. – 64 с.
5. Султанов, К. Идеализация, развенчание и сопричастность: образ Шамиля как репрезентация национального самосознания в литературах Северного Кавказа [Текст] / К.Султанов // НЛО. – 2004. – № 70. – С. 246–272.
6. Шаззо, К.Г. На пути к новому качеству [Текст] / К.Г.Шаззо // Шаззо К. XX век: Эпоха и человек. – Майкоп: ОАО "Полиграфиздат "Адыгея", 2006. – 806 с. – С. 485–533.
7. Филиппов, В.В. Проблемы документализма в художественной литературе [Текст] / В.В.Филиппов // Русская литература. – 1978. – № 1. – С. 198–204.
8. Саболчи, М. Споры вокруг документальной литературы [Текст] / М.Саболчи // Иностранная литература. – 1965. – № 4. – С. 211–214.
9. Палиевский, П.В. Роль документа в организации художественного целого [Текст] / П.В.Палиевский // Проблемы художественной формы социалистического реализма. – Т. 1. – М.: Советская Россия, 1971. – С. 421.
10. Оляндер, Л.К. Документалистика о Великой Отечественной войне [Текст] / Л.К.Оляндер. – Львов: Свит, 1990. – 143 с.